

УТВЕРЖДАЮ:

Проректор

МГУ имени М.В. Ломоносова

доктор физико-математических наук

профессор В.Е. Подольский

18 ноября 2013 года

ОТЗЫВ

**ведущей организации о диссертации Белого Александра Андреевича
«Философско-эстетические основы пушкинского «истинного романтизма»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических
наук по специальностям 10.01.01 – Русская литература, 10.01.08 – Теория
литературы. Текстология**

В своем диссертационном исследовании А. А. Белый исходит из того, что вопрос о роли и судьбах романтизма в творчестве Пушкина второй половины 1820-1830 годов входит в число первостепенных научных задач. Автор отчетливо осознает: такая постановка вопроса противоречит сложившемуся представлению об эволюции пушкинского творчества в рамках его движения к реализму. Думается, однако, что в этом нет противоречия. Речь идет о стремлении А.А. Белого к многосторонности, полноте в понимании А.С. Пушкина. К тому же авторы коллективной вступительной статьи к труду ИМЛИ РАН «Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания» (М., 1994) романтизм и реализм отнесли к единому индивидуально-творческому художественному сознанию. По мнению авторов

упомянутой статьи, для романтизма и реализма характерны *поэтика автора* и другие общие черты. Так что вопрос о соотношении реализма и романтизма в теоретическом плане не столь однозначен, как казалось в прежние годы.

А.А. Белый неслучайно указывает на наличие целого ряда признаков, выводящих произведения рассматриваемого периода за границы реализма. Имеются в виду фантастические образы и фантастические повороты сюжетов «Каменного гостя», «Пиковой дамы», «Гробовщика», «Медного всадника» и др. произведений. Как отмечает со ссылкой на Ю.В. Манна А.А. Белый, «Борис Годунов», «Евгений Онегин» и «Моцарт и Сальери» испытали на себе воздействие романтических традиций. В силу этого диссертант справедливо утверждает: теория «истинного романтизма», концепция «поэзии действительности» не могут рассматриваться как синонимы реалистической эстетики.

Делая упор на пушкинские слова об «истинном романтизме», А.А. Белый развивает положение о том, что «истинный романтизм», будучи новым, должен отличаться как от байроновского варианта русского романтизма, так и от форм романтизма, известных по творчеству других писателей этого направления. Такой новый взгляд на творчество Пушкина предопределил **актуальность** рецензируемой диссертации. В связи с этим очевидна **научная новизна** исследования. **Материал** исследования – драматические произведения («Борис Годунов», «маленькие трагедии»), проза («Повести Белкина», «Дубровский», «Пиковая дама») и поэма «Медный всадник» А.С. Пушкина.

Чрезвычайно интересен в диссертации **метод исследования**. Это труды А.А. Потебни, Андрея Белого, П.Флоренского, А.Ф.Лосева, А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, М.П.Алексеева, Н.И.Конрада, др. Особую роль играют идеи М.М.Бахтина. Для понимания специфики рецензируемого исследования важно положение, сформулированное А.А. Белым: «Сферой, в которой ранее всего проявилась *личность*, прежде других стала сфера естественных наук. По аналогии с используемой в ней процедуре «набрасывания» (Хайдеггер), диссертант обращается к круговой процедуре сопоставления интерпретаций с

«опытом», т.е. данными художественного текста. Начало «круга» включает анализ существующих интерпретаций исследуемого корпуса произведений Пушкина» (с. 30).

Достоинством работы является то обстоятельство, что А.А. Белый совмещает в себе интерес к естественным и гуманитарным наукам. Отрадно, что традиции в отечественном литературоведении Б.Н. Бугаева (А. Белого) и др., в пушкинистике Б.В. Томашевского, по диплому инженера-электрика, не прерываются.

В первой главе диссертации («От "Бориса Годунова" к "Маленьким трагедиям". Выход на нравственно-философскую проблематику») развивается положение о том, что на историческом материале Пушкин исследует новый феномен своего времени – синкретичность сознания образованного человека.

По мнению А.А. Белого, трагедия синкретичности сознания заключена в невозможности однозначного выбора. Отсюда слабость воли Бориса Годунова, неуверенность в собственной правоте – черты, противоречащие цельности и силе романтического героя. Однако, как подмечает автор рецензируемой работы, именно с «Борисом Годуновым» связано наибольшее количество авторских высказываний об «истинном романтизме».

Проведенный анализ позволил А.А. Белому сделать убедительный вывод о том, что на стадии середины 1820-30-х годов вопросы жанровых различий между классицизмом и романтизмом оказались оттеснены с переднего плана проблематикой нравственной нестабильности внутреннего мира человека.

Эти идеи развиты в разборе «Повестей Белкина» Пушкина. А.А. Белый во главу угла ставит проблему совести. В феномене «совести», как отмечает автор диссертации, следует акцентировать ее априорность: она есть даже в тех людях, чья профессия и социальный статус не предполагают повышенного интеллекта. А.А. Белый очень точно подмечает: не обладающая принуждающей силой в «Борисе Годунове», она обретает это свойство в «Повестях Белкина». Принуждение – не внешнее, а внутреннее, добровольное. Иными словами, герои «свободно» принимают императив подчинения нравственному закону. С

признанием априорности совести внутренний мир современного человека получил глубокую внутреннюю опору.

Новаторским в рецензируемой диссертации является сюжет «Кант—Пушкин». Как подчеркивает А.А. Белый, «слышимость» Канта в произведениях Пушкина вынуждает к прямой постановке вопроса о возможности сознательной ориентации Пушкина на Канта.

Это проявилось в целом ряде пушкинских произведений. Общим признаком «маленьких трагедий» А.А. Белый считает «маску» главного героя, изображающую один из пороков – скупца, завистника, безбожного распутника. «В театре пушкинского времени подобные герои были предметом комедии. Только у Пушкина комический персонаж встает на котурны. По вкусам той поры, чтобы низкая страсть наполнилась трагизмом, она должна была обрести высокое напряжение, аналогичное классическому противоречию страсти и долга. Эту возможность и дал Кант, заменив «внешний долг» (перед монархом, отечеством и т.п.) на «внутренний» – долг перед совестью. Пороки – это те страсти, которые человек должен преодолеть своей («культурной») волей, следуя нравственному императиву. Так вот, избранные Пушкиным «маски» практически совпадают (если не выбраны сознательно) с примерами, которые приводит Кант в «Учении о добродетели»: скупость и сладострастное самоосквернение – примеры нарушения долга человека перед самим собой; зависть – нарушение долга по отношению к другим (порок человеконенавистничества)» (с. 90 – 91).

Исходя из этого, в диссертации проводится разделительная грань между «нравственным законом» и «совестью». Логика А.А. Белого такова... Находясь в одном поле значений, они не тождественны. Различие заключено в кантовской специфике понимания «свободы». Не тот человек свободен, в ком жив голос совести, а тот, кто способен свободно подчинить себя истине, предпочесть определенный идеал и отказаться от всякого другого («ложного идеала»). В этом и состоит суть «категорического императива». Такая «связанная» свобода совершенно неприемлема для романтиков, даже

признающих чувство совести, но не считающихся с кантовской филигранной работой по разграничению нравственных понятий. Пушкиным же кантовская «казуистика» оценивалась прямо противоположным образом. Антиномичность была воспринята Пушкиным и трансформирована в противоборство идеалов, неоднозначность различий между правильным и неправильным.

Этот вывод подтолкнул А.А. Белого к поиску антиномичности нравственных позиций в «Маленьких трагедиях» Пушкина. На первый взгляд, парадоксален вывод исследователя: «Скупой рыцарь» – трагикомедия. В ней нет трагического героя, но обнаружилась сама почва трагичности – две совести: «старая» и новая, определяемая служением новой ценности». Но это дает возможность исследователю перейти к «Моцарту и Сальери», где, по мнению А.А. Белого, маска «скупца» сброшена, трагикомедия превратится в трагедию. В основании конфликта пьесы лежит кантовское понимание свободы, состоящее в том, что человек сам подчиняет свои действия нравственному императиву. Трагичность пьесы обусловлена антиномичным расхождением нравственных максим ее героев.

В рецензируемой диссертации обосновывается философский фон пьесы. Сальери вправе наделить свое решение силой всеобщего законодательства. Этот принцип, показывает А.А. Белый, сформулирован Кантом и заключается в том, что максима, принимаемая для обоснования действия, верна, если обладает свойством всеобщности. Сальери отстаивает справедливость, которая, безусловно, этому критерию отвечает. Его «совесть» требует исполнения долга, вытекающего из того, что он считает высшей истиной. Сальери и говорит об убиении Моцарта, практически, по Канту: «как будто тяжкий совершил я долг».

Примечателен промежуточный вывод А.А. Белого: кантовское прочтение свободы, скрытое за действиями героев, выводит пушкинскую пьесу за рамки романтизма. Правда, в связи с «Дон Жуаном» А.А. Белый снова возвращается к идее романтизма: «Одухотворение любви сближает Пушкина с романтиками. Романтизм действительно, создал настоящий культ любви как высшей, чуть ли не мистической ценности, универсальной космической силы, объединяющей в

единое целое человека и природу, идеал и действительность. Романтики, однако, теряли грань, за которой космизм любви расходился с христианскими нормами. К таковым относится слияние духовности с чувственностью: плотская чувственность находится в противоречии с христианской моралью. В отличие от романтиков, Пушкин не затушевывает это противоречие, а делает его предметом специального рассмотрения в последней пьесе цикла» (автореф., с. 13). Это проследил А.А. Белый в разборе «Пира во время чумы».

Здесь, однако, автор диссертации снова выходит к спору Пушкина с романтиками. «Пир во время чумы» обнажил обстоятельство, которого не хотели замечать романтики: противоречие в системе самой христианской нравственности. Любовь ведет к небесам, но христианский идеал ориентирован на потустороннее. Чувственная любовь не освящена. Как подчеркивает А.А. Белый, проблема, поставленная Пушкиным, не имела решения.

Не случайно затем идет глава «Художественная полемика Пушкина с романтизмом». В ней убедительно доказано, что выводы первых двух глав о расхождении Пушкина в трактовке тем, общих с романтизмом (поэта, любви, нравственности), находят подтверждение в таких важных для понимания его мировоззрения произведениях, как «Я памятник себе воздвиг...» и «С Гомером долго ты беседовал один...». Продолжением этого ряда аргументов за пределами лирики диссертант считает еще два: немотивированный финал «Евгения Онегина» и неудачу с «Дубровским». По мнению А.А. Белого, «Евгений Онегин» завершается резким обрывом повествования на стадии романтического переворота в душе Онегина. Работу над «Дубровским» – прозаическим романом с героем ярко выраженного романтического типа – Пушкин прекращает, оставляя недописанным почти законченный роман. А.А. Белый считает, что трудности, вставшие перед Пушкиным, лежали вне романтической типологии. Их выяснение – задача последующих двух подразделов.

Следующий раздел диссертации парадоксально назван «Непреображение» Онегина». И здесь хочется остановиться на **композиции** рецензируемой

диссертации. Во-первых, работа очень крепко сбита: в ней ничего ни убавить, ни прибавить. Во-вторых, композиция органично связана с ходом исследовательской мысли. Разбивка на главы, разделы связаны с внутренним ходом исследовательской мысли об эволюции Пушкина. При этом в композиции работы нет заданности, она образует научную целостность. Это убедительно проявилось в том, как на основе рассуждений в предыдущем параграфе строится следующий – о «Непреображении» Онегина». А.А. Белый виртуозно анализирует логику того, как Пушкин «вдруг умел расстаться» с главным героем романа. Кульминацией этой части становится, как пишет исследователь, внезапная метаморфоза в Онегине – его влюбленность в Татьяну – и сцена их последнего свидания.

А.А. Белый справедливо полагает, что в «Евгении Онегине» понятие «романтического конфликта» оказалось излишним. Вывод ученого таков: есть романтическая фактура в виде «отчужденности» персонажей, силы любви и ее неразделенности, сильной игры воображения. Но конфликта нет. А.А. Белый уточняет свою мысль: при внешней сохранности романтической формы конфликт переместился в сферу скрещения культурных пластов, освоенных и не освоенных русским сознанием.

Размышляя в следующем параграфе о причинах незавершенности романа «Дубровский», А.А. Белый считает, что именно эта проблематика составляет основу романа «Дубровский». Для выявления различий русской и европейской традиций в реакциях на один и тот же общественный феномен А.А. Белый проводит сопоставительный анализ «Дубровского» с релевантными, по его мнению, произведениями писателя нерусской культуры, – Клейстом.

«Пиковой дамой» завершается рассмотрение А.А. Белым пушкинских расхождений с романтизмом. По мнению автора рецензируемой диссертации, они отражают несходство мировоззрений. Пушкина волновала нравственная аксиология, соотношение автономной личности со свободой, поступка с законом. Это те вопросы, которые питали просветительскую мысль XVIII века.

А.А. Белый считает, что такой проблематики в России не было, потому что русская культурная мысль не прошла кантовской выучки.

Закономерно диссертацию завершает четвертая глава «"Возвышенное" в художественном мире Пушкина». В ней реконструируется формирование представлений, адекватных одной из основных кантовских категорий, и преломление этого художественного опыта в поэме Пушкина «Медный всадник».

По мнению А.А. Белого, «Вступление» в поэме выдержано в стилистике *прекрасного*, а «печальная повесть» – в стилистике *возвышенного*, т.е. «неодическая» половина поэмы оказывается эстетически равноценной с «одической». Отсюда четкий и выверенный вывод ученого: причину страха, овладевшего Евгением, следует искать не в психологии «маленького человека», а в эстетике – это *«мечтательность»*, которая (по Канту) состоит в пустой мечте видеть что-то за всеми границами чувственности. Попутно А.А. Белый разрешает недоумение, касающееся несопоставимости мелкого чиновника (Евгения) с царем Петром: их уравнивает «аура возвышенного».

В обстоятельном и неформальном, логически выверенном **заключении** убедительно суммированы результаты проведенного исследования. Подкупает то, как автор дорожит своими выводами и еще раз проверяет их на прочность. И они, эти выводы, абсолютно выдерживают очередную проверку на прочность, истинность.

Например. А.А. Белый доказывает, что прививка романтизма к классицизму привела к обретению последним признака, которым он ранее не располагал – символичности. Только у Пушкина средневековый сюжет Дон Жуана нашел выражение в виде трагедии. Символический смысл обрели Моцарт и Сальери. Именно символизм «Медного всадника» обеспечил этому произведению совершенно особое место в русской литературе. Этот и другие выводы имеют не только историко-литературную, но и теоретическую ценность.

Диссертация А.А. Белого «Философско-эстетические основы пушкинского «истинного романтизма» снабжена обширнейшим списком литературы. Диссертация является уникальным научным трудом на стыке истории русской литературы и теории литературы. В работе использовано множество выверенных и точных фактов, она базируется на глубоких положениях и убедительных выводах. В ней обстоятельно прослежен творческий путь Пушкина, эволюция русской литературы, выдвинут целый ряд теоретических положений, корректирующих наше представление о литературных направлениях, романтизме и реализме. Цели и задачи, поставленные А.А. Белым в своем исследовании, достигнуты и полностью решены, убедительно доказаны.

Тем не менее хочется указать на несколько недостатков, которые, однако, носят факультативный характер и не снижают высокий научный уровень исследования. Это скорее вопросы, повод к размышлениям.

1. В.М. Жирмунский в целом ряде работ выдвинул идею о двух направлениях в русской поэзии – реалистическом (классическом) и романтическом. Пушкина он причислял к классической традиции. Как это соотносится с концепцией А.А. Белого? 2. На стр. 1 данного отзыва упоминается коллективная вступительная статья к труду ИМЛИ РАН «Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания» (М., 1994). Хотелось бы прояснить, укладывается ли она в концепцию А.А. Белого или противоречит ей. 3. Как в диссертации понимается символизм Пушкина?

Хочется повторить, что речь идет всего лишь о некоторых вопросах, которые возникают при чтении глубокой и новаторской по своему духу работы, которые не снижают ее высокий научный уровень.

Основные положения и выводы диссертации А.А. Белого «Философско-эстетические основы пушкинского «истинного романтизма» полно отражены в двух опубликованных монографиях, ваковских и других статьях, автореферате.

Диссертации А.А. Белого «Философско-эстетические основы пушкинского «истинного романтизма» является законченным, самостоятельным исследованием, органично совместившим в себе как историко-литературное, так и теоретическое начала. Диссертация Александра Андреевича Белого «Философско-эстетические основы пушкинского «истинного романтизма» соответствует требованиям, предъявляемым к исследованиям такого рода и п. 8 положения ВАК, а ее автор по праву заслуживает присвоения ему искомой ученой степени доктора филологических наук по специальностям 10.01.01 – Русская литература, 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

Отзыв составлен доктором филологических наук, профессором О.А. Клингом и утвержден на заседании кафедры теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова от 14.11. 2013 года (протокол № 4).

Зав. кафедрой теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова доктор филологических наук, профессор О.А. Клинг.

О.А. Клинг

Подпись заверяю

